

Николай Коляда: «Театр — мое проклятье»

Новый открытый конкурс драматургов «Евразия» подходит к финалу. Последний день для сдачи пьес настал, и скоро страна узнает имена победителей.

Проводит конкурс «Евразия» Николай Коляда. Драматург, режиссер, главный редактор журнала «Урал», художественный руководитель «Коляда-театра», в котором он ставит пьесы уральских авторов, половину расходов беря на себя. А еще организатор уникальных «театральных марафонов» — двенадцатичасовых чтоток свежих пьес нон-стопом.

А об остальном **НИКОЛАЙ КОЛЯДА** согласился рассказать сам.

— Фамилия у вас звучная, театральная... Коляда — это псевдоним?

— Коляда — моя настоящая фамилия. Мне даже обидно, что кто-то считает это псевдонимом. Мама у меня русская — Зоя Васильевна Александрова, папа — украинец Коляда Владимир Алексеевич. Они живы-здоровы, живут на целинных землях, в селе Пресногорьковка Кустанайской области — это теперь за граница, Казахстан. Так что и я по паспорту — украинец, хотя был на Украине один раз в жизни. А вообще-то у Гоголя в «Замечаниях пасечника» написано: «...Колядовать у нас называется петь под окнами накануне рождества песни, которые называются колядками... Говорят, что был когда-то болван Коляда, которого принимали за Бога, и что будто оттого пошли и колядки. Кто его знает? Не нам, простым людям, об этом толковать...». Я очень горжусь, что мой любимый писатель Гоголь писал о моей фамилии.

— Над вашим письменным столом висит портрет Уильямса и чеховское пенсне. Последнее особенно трогательно, откуда вы его взяли?

— Украл в немецком театре Deutsche Schauspiel Haus — это один из самых больших театров Германии, находится он в Гамбурге. Много лет назад с Верной Вайс я работал в этом театре и в спектакле «Остров Сахалин» играл роль Антона Павловича Чехова (я по первой профессии — актер). Говорят, внешне очень походил на него в этой роли. Продав с театром, прихватил на память пенсне, надеясь, что немцы не обидеют. Пенсне — настоящее. Кроме портрета Уильямса, у меня над столом висит выпитый (!!!) одной моей поклонницей портрет А.С.Пушкина, еще портрет и бюст Н.В.Гоголя, а еще — фотографии моих любимых учите-

лей по театральному училищу — Вадима Михайловича Николаева и по Литинституту — Вячеслава Максимовича Шутаева. А еще фотография моей церкви в селе Пресногорьковка, которую я много лет назад восстановил. То есть самое дорогое, что есть или было в моей жизни, — все передо мной на стене, смотри, любуйся, пиши пьесы — не хочу.

— Много ли вам прислали пьес на конкурс?

— Больше 70, кстати, читайте все на сайте: www.kolyada-theatre.uralinfo.ru, чтобы никто потом не сказал, что я как председатель жюри подыграл своим ученикам — их у меня на сегодня 27 человек, и почти все участвуют в конкурсе. Есть люди очень талантливые, но пока не открытые театрами. Нам шло много и комедий, и сказок — будем выбирать лучшее. Почему у «Евразии» такие рамки? (одно из условий конкурса — присылать пьесы на троих. — Ред.) Мне кажется, что в сегодняшних театрах не хватает пьес с малым числом действующих лиц, не хватает комедий, не хватает детского репертуара (его просто нет, на мой взгляд). Вот мы и выискиваем это самое, что театру сегодня крайне необходимо. Хотя — Господи, что я говорю? — пусть в пьесе будет сто персонажей, но только была бы она талантливая, живая, и тогда ей все простится.

— Главный приз конкурса — 20 тыс. рублей. Сколько дней можно жить на них в Екатеринбурге? Сколько стоит у вас поставить спектакль?

— Двадцать тысяч у нас — огромные деньги. Я как главный редактор журнала «Урал» в год получаю 38 тыс. рублей. Вот и считайте. Наверно, можно пропить все в один день, а можно и на годик растянуть, писать потихоньку в это время пьесы. Я так давно бесплатно ставлю спектакли в Екатеринбургском академическом театре драмы, что, честно говоря, и не знаю, сколько стоит поставить спектакль. К нам все ездит ставить (то есть «чесать и косить») москвичи-рвачи, режиссеры — ну, по пять тысяч долларов, поди, получают. Незнаю. Мне наплевать. Они решают свои финансовые проблемы, но никогда — творческие. А я готов театру сам припичивать, только чтоб мне дали в театре работать. Я очень

люблю театр — это мое проклятье, к сожалению. Нельзя так слишком что-то любить, наверное, потому что приходится отказываться из-за этого от всего в своей жизни. Это длинный разговор.

— На что, кроме лавров, денег и обещаний, могут рассчитывать победители?

— Лучшие пьесы будут поставлены. Пьеса не может существовать без театра, она должна быть поставлена, и это — счастье для каждого пишущего. А потом — вдруг да и правда откроем какого-нибудь талантливого человека, который по ночам в кочегарке пишет пьесы. Это же будет просто грандиозно. Талантливым людям надо помогать, их очень мало. Одни бездари крутомлежут и лезут, собачки.

— Что сложнее: научить писать пьесы или найти на каждого драматурга Сигарева своего режиссера Серебренникова?

— Сложнее найти Серебренникова. Режиссеры наши российские — один другого дурнее, кичливее, глупее. Встречаются люди настолько неспособные, нетворческие, что только диву даешься, как их занесло в эту профессию. У меня на курсе много талантливых людей, и пьес моими детьми написано замечательных тоже немало. Кому они нужны? Кто их читает? Сигареву повезло немудрено, конечно же. Кстати, пьесы научить писать я не могу. У меня, кроме семинаров по творчеству, есть такой предмет под названием «Теория драмы». Я студентам в зачетках всегда расписываюсь за этот предмет «Зачтено» и говорю: «Не знаю я, что такое теория драмы, сами разберитесь, книжки почитайте». Ведь пьеса пишется просто: слева — кто говорит, справа —

что говорят. И если у тебя есть душа, сердце — пиши. А я тебя по рукам поглажу, скажу: «Молодец, засранец, хорошо, пиши еще» — вот и все мое преподавание. Это так просто, оказывается — сказать человеку вовремя доброе слово. У него вдруг крылья появляются, и он пишет, развивается, творит, трудится, живет.

— Можно ли считать теперь везением тот факт, что однажды вас, актера, уволили из театра, и тогда вы поехали в Москву поступать в Литинститут?

— Я, видимо, в рубашке родился, мне везет всегда. Но кроме всего прочего, я чуть-чуть быстрее соображаю, чем другие. В Литинституте один преподаватель, видя мое нахальство и нахрапистость провинциальную, как-то сказал мне недовольно: «Вы, Коляда, похожи на человека, который в час пик влезает в трамвай, мест нет, но через минуту вы находите мес-

то и причем самое удобное — у окошечка». Я все стараюсь сделать быстро, сам, никому не доверяю, потому как я быстрее сделаю и лучше. За это меня в редакции «Урала» не любят сотрудники. А если прихожу на репетицию и декорация не стоит — то я быстро-быстро ее ставлю сам, быстро тут же подметаю пол, не дожидаясь уборщицы — корона с головы не свалится, быстро готовлю актерам чай и кофе и — вперед, репетировать. Мне некогда, мне торопиться надо, жить осталось мало, совсем мало.

— Ваш «Коляда-театр» был зарегистрирован 4 декабря 2001 года — в день рождения художественного руководителя. Хороший подарок вы сделали самому себе. От других вы получали подарки, равноценные этому?

— Не помню я особых подарков мне на мой день рождения. Я себе сам подарки делаю. Я один, у меня нет никого, не было и не будет, я не нужен никому. (Это слова из моей пьесы «Канотье», но это правда.) Вот, выпустил на свои деньги к 45-летию, к 4 декабря прошлого года книгу моих пьес под названием «Кармен жива» — это уже четвертая моя книга. Книга эта только что получила Бажовскую литературную премию — такая престижная литературная премия есть у нас на Урале. Я очень горжусь, что этой премией отмечена драматургия, которая никогда никем не считалась за литературу.

— А как в 90-м году возник ваш союз с Галиной Волчек и с «Современником»? В какой стадии развития он находится сейчас?

— Галина Борисовна — это особая песня, особая моя любовь. Сегодня в легендарном «Современнике» идет три моих пьесы, на что я могу сказать лишь, что я — невероятно счастливый человек. Я вообще часто ловлю себя на мысли, что мы с Галиной Борисовной ко многим вещам относимся одинаково и оттого она такая мне родная и близкая. Я тоже люблю театр, как и она, а она его любит — бес-ко-неч-но. И я очень боюсь Волчек — как бояться учительницу дети в школе. Как-то встретились у театра, я приехал из своего Екатеринбурга, она вышла из машины, смотрит на меня и говорит: «Ну, здоров. Ты что, Коля, меня не поцелуешь?» Я полез со своими слюнями, смеясь и радуясь, что могу к ней прикоснуться — к ней, замечательной, чудной.

Помню, репетировали «Селестину». Мне и моему художнику Володе Кравцеву взбрело в голову, чтобы все костюмы в спектакле должны быть связаны из ткани, крючком. Я пошел в пошивочный, набрал кусков ткани, нарвал их и, сидя в кабинете у Жени Кузнецовой, завлита театра, связал «кружок» — половичок, как бабушки делают, меня мама научила такие кружки вязать. Связал, пошел к Волчек в кабинет: «Галина Борисовна, вот такие будут костюмы». Говорю ей, а сам думаю: сейчас она скажет: «Ты чего, с головой не дружишь?» Волчек села за столом, курила. Посмотрела половичок, потрогала, пожамкала в руках, помолчала, снова затянулась сигаретой и сказала: «На премьеру свяжешь мне такую сумку. Иди». И все.

То есть таким образом было дано благословение разорвать на куски три километра ткани на костюмы...

Однажды после репетиции я выпил, вышел из театра, и так мне что-то хорошо было — ужас! Театр стоит беленький. Чистые пруды, весна, я репетирую, жизнь идет, все замечательно! Вижу, идет навстречу Ольга Нурматовна — помощник режиссера. Я ее (пьяный дурак!) пальцем поманил, за руку взял, подвел к стене театра и сказал: «Давай, Оля, поцелуем театр!» И мы с ней вместе (она была трезвая!) поцеловали белую шершавую стену театра. Естественно, по театру сразу же полетел слух, что у Коляды — началась «белая горячка». Кто-то перепутано сказал Волчек: «Галина Борисовна! Коляда с ума сошел! Театр целует!» На что Волчек (гениальная Волчек!) сказала: «Дураки. Он же поцеловал театр. Он же не плюнул на него, нет? Ну и какие могут быть разговоры?»

Когда мне потом рассказали о ее реакции, я хохотал до упаду. И сейчас сижу, смеюсь и думаю: как я люблю тебя, Волчек! Как я люблю тебя, театр «Современник», мой беленький, мой красивенький! Вот приеду в Москву, приду к театру и всю ротонду обведу, все стены, всю сцену. И если Галина Борисовна позволит, и ее поцелую. Потому что я ее — правда, без дураков — люблю. Потому что я добро помню. Если бы не она — меня бы не было, не сомневаюсь. 12 лет назад она поставила «Мурлин Мурло», одну из моих первых пьес — я тогда был сопляк никому неизвестный, студент Литинститута. К слову сказать, спектакль идет до сих пор и каждый раз собирает полные залы.

— Один из академических исследователей творчества Коляды делил ваших персонажей на три типа: озлобленные, блаженные и артисты. С каким типом вам приходится чаще сталкиваться в жизни?

— Сказал это Наум Лейдерман в книге «Драматургия Николая Коляды». Сказал красиво. А как на самом деле — я не знаю. Критикам виднее. Я как-то об этом не задумывался. Это по поводу пьес. А в жизни... Придурков и подлецов на свете очень много, но мама моя всегда повторяет: «Хороших людей, сынок, на белом свете все равно больше». Я тоже так думаю.

БЕСЕДОВАЛА ИРИНА КОРНЕЕВА

Время МН-2003-6 марта-с. 7.